

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2026.133.4.015

УДК 329

Я.В. АЛАЛИН

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург

E-mail: yar92641@gmail.com

SPIN-код: 2081-6895

Author ID: 1343386

ORCID 0009-0002-5605-1758

А.А. КЕРИМОВ

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург

E-mail: a.a.kerimov@urfu.ru

SPIN-код: 8591-7561

Author ID: 639696

ORCID: 0000-0002-5807-9810

ПОСТЛИБЕРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ: ОТ СУВЕРЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ К ГОСУДАРСТВУ-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию генезиса и эволюции современной российской государственной идеологии в контексте глобального кризиса либерального проекта. Автор применяет постлиберальную теоретическую оптику для системного анализа официального политического дискурса Российской Федерации 2000-2020-х годов. В результате выделены три последовательных этапа идеологического строительства: этап институционального суверенитета, воплотившийся в концепте «суверенной демократии», этап ценностного наполнения, связанный с «консервативным поворотом» и развитием «традиционных ценностей» и этап цивилизационного оформления, выраженный в доктрине «государства-цивилизации». Доказывается, что российская модель, разделяя с западным постлиберализмом критику атомизирующего индивидуализма и неолиберальной глобализации, предлагает уникальный консервативно-государственнический синтез, где сильное государство выступает верховным гарантом коллективной идентичности и субъектом альтернативного миропорядка. Научная новизна работы заключается в преодолении упрощенной дихотомии «либерализм – авторитаризм»

и предложении адекватного концептуального инструментария для анализа современных идеологических трансформаций.

Ключевые слова: постлиберализм, государственная идеология, суверенная демократия, традиционные ценности, государство-цивилизация, консервативный поворот, российская политическая мысль, многополярность.

Идеология либерализма в наше время столкнулась с кризисом. Основанная на принципах универсального индивидуализма, неолиберальной глобализации и технократического управления она все больше демонстрирует признаки истощения [13]. Современная научная литература констатирует фундаментальные вызовы, с которыми сталкивается либерализм. К ним можно отнести индивидуализм и атомизацию общества, кризис солидарности и утрату чувства общего блага. При этом возникает конфликт между элитарным характером принятия политических и экономических решений и демократическими ожиданиями электората, что порождает расцвет популизма и хронических дефицит легитимности.

Цель идеологической экспансии либерализма – глобальная экономическая и политическая унификация. Это вызывает сопротивление в незападных обществах, поэтому кризис носит общемировой характер и провоцирует развитие новых политических идеологий, как на Западе, так и на Глобальном Юге.

В этом контексте опыт Российской Федерации представляет особенный интерес. На протяжении последних двух десятилетий в России последовательно формировался собственный уникальный проект суверенной демократии [7]. Российский пример представляет собой сознательную попытку построения целостной идеологической модели, которая даст системные ответы на современные политические вызовы. Изучение этого опыта позволит прогнозировать вектор политического развития в России и даст возможность лучше понимать общие закономерности идеологической трансформации в эпоху становления полицентричного многополярного мира.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 10; 11; 14; 16; 18; 19; 21].

Однако проблему постлиберальных оснований современной российской государственной идеологии: от суверенной демократии к государству-цивилизации нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Таким образом, проблема данного исследования заключается в теоретическом и методологическом разрыве в современной политологии [6]. С одной стороны, на Западе активно формируется концепция постлиберализма. Она интерпретирует текущие изменения через призму поиска новых основ политики после исчерпания проекта классического либерализма и неолиберализма [24].

С другой, анализ идеологических процессов часто остается в плену упрощения и морализаторства эпохи Холодной войны.

Российская идеологическая трансформация 2000–2020х годов нередко сводится в научной литературе к понятиям авторитарного отката, традиционализма или консервативной реакции. Это мешает понять его внутреннюю логику, динамику развития и вписать в широкий контекст глобального идеологического сдвига. Таким образом, существует необходимость в применении постлиберальной теоретической оптики в качестве аналитической рамки для системного и беспристрастного анализа официального российского дискурса. Особого внимания заслуживает и институциональный аспект. А именно роль парламентаризма в обеспечении национальной безопасности. Это позволяет конкретизировать анализ на уровне политических институтов [8].

Целью данной статьи является определение и систематизация постлиберальных оснований современной российской государственной идеологии. Ее рассмотрение в качестве целостного и эволюционирующего проекта, который предлагает альтернативную модель политического устройства и миропорядка. Для достижения поставленной цели в данной работе последовательно решаются несколько задач. От реконструкции ключевых положений постлиберализма с выделением его базовых критических направлений против догм классического либерализма, проведения детального анализа эволюции ключевых концепций российской идеологии до определения базовых параметров и специфики формирующейся российской постлиберальной модели. Еще одной задачей исследования можно считать проведение компаративного анализа этой модели с основными трендами западного постлиберализма для выявления точек сопереживания и принципиальных различий.

Объектом исследования выступает официальный идеологический дискурс Российской Федерации в период 2000–2020-х годов, выраженный в ключевых программных документах, публичных выступлениях политического руководства [9; 15]. Предметом исследования являются постлиберальные основания и логика развития данного дискурса в динамике. А методологическую основу работы составляют качественные методы социальных наук. Ведущим является критический дискурс-анализ, который позволяет вскрывать идеологические конструкции, властные отношения и формирование значений в текстах и речах [23]. Также мы использовали сравнительно-исторический метод, чтобы проследить преемственность и изменение идей в хронологической перспективе и провести сравнение с иными идеологическими контекстами.

Либерально-демократическая модели достигла своего апогея в конце XX века. Сегодня она характеризуется глубоким системным кризисом, который выходит далеко за рамки частных политических неудач или циклических колебаний. Он затрагивает ее философскую и социальную основу. Ключевым объектом критики со стороны различных интеллектуальных течений становится неолиберальная рациональность. Она подчиняет все сферы человеческого существования – от образования и культуры до самой демократической политики, узкой

экономической логике эффективности и конкуренции. Она выводит на первый взгляд ее публичное, коллективное и преобразующее содержание. Этот неизбежно ведет к глубокой и пагубной атомизации общества, в котором гибертрофированный индивидуализм и абсолютный приоритет личной свободы необратимо ослабляют социальные связи, подрывают традиционные институты и окончательно размывают чувство общего блага. А также заменяет его суммой частных интересов.

Так либерализм, претендующий на статус универсальной и конечной прогрессивистской модели, в своей реализации обнаруживает свою культурную ограниченность и внутренние противоречия. Порождает неспособность адекватно ответить на вызовы идентичности, справедливости и глобальные проблемы XXI века. На международном уровне либеральный миропорядок свободной торговли и политико-идеологической экспансии сталкивается с растущим и организованным сопротивлением. Концепция либерального интернационализма при этом все чаще вступает в прямой конфликт с суверенным интернационализмом. Это выражается и противостоянии стран Юга, которые настаивают на безусловном примате национального суверенитета, со странами Запада [12]. И этот конфликт знаменует собой символический конец безусловной гегемонии либеральной идеологии, формирует структурный запрос на новые идеологические конструкции и проекты будущего.

В этих условиях возникает постлиберализм – политическая реакция на этот всеобъемлющий кризис [24]. Важно при этом понимать, что постлиберализм не является единой и строго очерченной доктриной. Это скорее широкий спектр идей и движений, объединенных общим критическим отношением к фундаментальным основам классического либерализма и активным поиском альтернатив. В центре постлиберальной мысли находится решительный отказ от абсолютизации свободного и независимого индивида в пользу понимания человека как члена конкретных обществ. Человека, связанного историческими традициями, общей культурой, языком и плотными сетями взаимных обязательств и ответственности [5]. Индивидуальные права и свободы в этой парадигме не отменяются. Они кардинально переосмысливаются через призму социальной ответственности, солидарности и общего блага, которое не сводится к сумме частных предпочтений.

Принципиальное отличие постлиберализма от классического либерализма проявляется в нескольких ключевых аспектах. Если либерализм видит основу общества в автономном индивиде, то постлиберализм помещает в центр человека – центра общества (семьи, нации, религиозной или профессиональной общины).

Соответственно, роль государства трансформируется от модели ночного сторожа или нейтрального арбитра, обеспечивающего личные свободы и безопасность, но не вмешивающегося в экономику, к модели проактивного агента, ответственного за укрепление социальной безопасности, традиционных ценностей, культуры и общего блага. Таким образом, в экономической сфере

безусловный приоритет свободного рынка и минимального регулирования сменяется поддержкой стратегического протекционизма, экономического национализма и чрезмерного государственного регулирования. Ценностный фундамент при этом тоже смещается. От декларируемой государственной нейтральности и этического плюрализма к открытому признанию блага, основанного на традиции, религии и культуре. Государство в такой системе не может и не должно быть ценностно-нейтральным. Наконец, в сфере международных отношений проект экспорта либерально-демократических институтов и глобального управления уступает место принципам национального и цивилизационного суверенитета, уважения многообразия, полицентризма и интересов суверенных государств [12; 22].

Исходя из этого, важнейший тезис данной статьи заключается в том, что постлиберализм следует понимать не как отказ от модерна и прогресса, а скорее в качестве возможности найти иную версию самой политической реальности [5]. Постлиберализм предлагает альтернативный проект организации сложного постиндустриального общества. В таком обществе технический прогресс и экономическое развитие сознательно сочетаются с сильными коллективными идентичностями, ярко выраженным государственным суверенитетом, четкой иерархией общественных ценностей. Таким образом, постлиберализм выступает теоретической связкой между внутренней западной критикой либерального проекта и результатами идеологических поисков на Глобальном Юге. Эта критика находит свое прямое политическое воплощение и развитие в концепции суверенной демократии, традиционных ценностях и государства-цивилизации. Эти концепции активно продвигаются российским политическим руководством и интеллектуальной элитой [8].

Внутренняя эволюция официального политического языка и риторики в Российской Федерации с начала XXI века представляет собой не хаотичный или ситуативный набор лозунгов. Она демонстрирует удивительно последовательную логику формирования постлиберальной идеологии. На данный момент мы можем выделить три взаимосвязанных этапа, каждый из которых углублял, конкретизировал и наполнял новым смыслом общую альтернативу либеральной глобализации и от защиты формальных институтов к утверждению цивилизационному самоопределению.

Первый этап заложил фундамент всей конструкции постлиберальной идеологии. Им стал этап институционального суверенитета, озаглавленный разработкой и продвижением концепции суверенной демократии. Эта концепция наиболее полно и системно была представлена Главой Администрации Президента Российской Федерации, Владиславом Сурковым. Она возникла как прямая и жесткая критика модели управляемой демократии, под которой в российском политическом дискурсе понималось прямое внешнее навязывание политических стандартов, институтов и электоральных процедур. В. Сурков прямо и публично противопоставлял эти понятия, утверждая, что управляемая демократия является технологией неокOLONиального управления. В то же

время суверенная демократия означает подлинную самостоятельность нации в определении форм и путей своего политического развития. Ключевым нормативным принципом стало утверждение, что конкретный политический режим и его устройство являются исключительным внутренним делом. Демократия, как ценность, обязательно должна иметь национальную форму, собственный исторический и культурный контекст. Этот тезис дезавуировал классические критерии демократии. Источником легитимности власти стало национальное самоопределение и политическая воля нации.

Постлиберальный аспект данного этапа заключается в утверждении государства-нации над нормами классического либерализма. Это был первый решительный шаг в направлении формирования собственной индивидуальной идеологии. Концепция выполняла важную функцию идеологической инициативы и заложила основу для более масштабного и глубокого идеологического строительства.

Начало второго этапа произошло на фоне значительных геополитических и экономических изменений. Они были вызваны внешним давлением, оказываемым на Российскую Федерацию в последствии воссоединения России и Крыма. В результате этих событий официальный идеологический дискурс России совершил выраженный консервативный поворот. Этот этап характеризуется ценностным наполнением идеологии. Стало очевидно, что защиты суверенитета недостаточно. Потребовалось позитивно наполнить ее глубоким, эмоциональным ценностным содержанием, способным сплотить и мобилизовать электорат. Этот поворот ознаменовался активным и системным продвижением концепции традиционных духовно-нравственных ценностей, которая стала играть роль аксиологического ядра. В знаковом выступлении перед Федеральным Собранием Российской Федерации в 2013 году Президент Владимир Владимирович Путин прямо противопоставил эти ценности хаотической тьме. В речи они были напрямую связаны с защитой традиционной семьи, религиозных основ [15]. Патриотизм, державность, социальная справедливость, семья и религиозная идентичность стали провозглашаться несущей основой социальной солидарности, выступая смысловым антиподом морального релятивизма. Кульминацией и правовым закреплением этого этапа стало включение положений о защите традиционных ценностей в обновленный текст Конституции Российской Федерации в 2020 году. Государство впервые на законодательном уровне взяло на себя роль защитника определенной системы ценностей, что означало окончательный и демонстративный отход от принципа ценностной нейтральности государства.

Постлиберальный аспект здесь проявляется в принципиально новой легитимации суверенитета. Он перестал быть сухой политико-правовой категорией. Теперь суверенитет осмысливается как производное российского культурного кода, который нужно защищать от внешнего идеологического воздействия.

Третий этап связан с принятием новой Концепции внешней политики Российской Федерации в марте 2023 года. В ней идеологическое строительство

было поднято на принципиально новый уровень [17]. Ключевым новшеством стало официальное, доктринальное закрепление статуса России как государства-нации. То есть переход от защиты идентичности к активному позиционированию России как самостоятельного и целостного цивилизационного центра, обладающего суверенным правом на собственный уникальный путь развития. Стратегической целью российской внешней политики становится поддержание справедливой и устойчивой многополярной международной системы и идеологическая борьба с деструктивными идеологическими установками – инструментом западной гегемонии.

Постлиберальный аспект данного этапа является наиболее полным и завершенным. Суверенитет теперь утверждается в качестве цивилизационной категории, выходящей за рамки государства-нации. Россия в этих условиях обладает уже целостной идеологической системой, основанной на принципах многополярности, уважения цивилизационного суверенитета и традиционных ценностей [8; 13].

Несмотря на общий контекст кризиса либеральной глобализации, постлиберализм не является монолитным явлением [24]. Российская модель приобрела ярко выраженные уникальные черты, которые отличают ее от западных версий. Проведенный анализ позволяет выявить как важные точки соприкосновения, так и различия.

Российский и западный постлиберализм сходятся, прежде всего, в критике либерализма как экономического и социального проекта. Российский официальный курс отвергает гипертрофированную роль глобальных финансовых рынков, либеральную социальную политику и тотальное разрушение национальных институтов. Эта критика служит прямым обоснованием стратегического курса на экономический суверенитет, импортозамещение, поддержку реального сектора и всемерное усиление роли государства в управлении стратегическими отраслями [8]. Общим также является и запрос на приоритет политики коллективного целеполагания над тотальной логикой экономики. Это выражается в призывах к деглобализации, протекционизму и защите национальных интересов [23]. Этот тренд отражает в целом общее разочарование в утопической идее глобального рынка как лучшего инструмента регулирования человеческих отношений [6]. Кроме того, в обеих риториках звучит острая критика индивидуализма, культуры отмены и других симптомов глубокого кризиса идентичности и исторической памяти, социальной сплоченности [20].

Однако именно в ответах на эти общие вызовы проявляется фундаментальное отличие российского пути, которое можно свести к четырем основным взаимосвязанным параметрам, формирующим его уникальный профиль.

Первый и наиболее значимый параметр – центральная роль суверенного государства. Если западный постлиберализм, особенно в его левой версии, часто делает основной акцент на возрождении и укреплении локальных сообществ, профессиональных гильдий, гражданских ассоциаций или религиозных общин как основных субъектов изменений, то в российском проекте безусловным

и верховным главным субъектом, гарантом и интегратором всего постлиберального проекта выступает именно сильное, централизованное, суверенное национальное государство [5]. Оно рассматривается не как нейтральный арбитр или пассивный администратор, а как активный творец ценностей, верховный защитник традиции, главный архитектор социальной солидарности и единственный легитимный представитель национально-цивилизационных интересов на мировой арене. Эта этатистская модель прямо противоположна идеям сетевого сообщества и глубоко отражает исторически сложившуюся в России центральную, стержневую роль государственности как основного цивилизационного института, скрепляющего огромное пространство и культурное многообразие.

Вторым ключевым параметром является консервативный ценностный вектор. Это самое важное различие. Западный постлиберализм пытается сочетать экономическую критику капитализма с радикальной повесткой в области прав меньшинств. Российская же модель носит подчеркнуто консервативный характер. Она сознательно предлагает защиту традиционных ценностей в качестве идеологической платформы, рассматривая в них альтернативу западному неолиберализму и культурному прогрессивизму одновременно.

Третий параметр – мобилизационный характер российской модели. В отличие от западного либерализма российский формировался преимущественно как идеологический ответ на внешнее давление. Его становление напрямую коррелирует с нарастанием геополитической конфронтации, что изначально придавало ему характер мобилизационной идеологии. Поэтому он служит скорее инструментом сплочения и легитимации в условиях цивилизационной осады.

Четвертый параметр – цивилизационный, а не национальный масштаб идеологических притязаний. Российская модель не ограничивается скромным поиском национальной альтернативы или локального возрождения. Эта презентация на глобальную идеологическую субъектность и роль одного из полюсов в новом формирующемся мировом порядке является уникальной отличительной чертой именно российского постлиберализма [5].

Таким образом, российская модель представляет уникальный консервативно-этатистский синтез, который дал на нее иной уникальный ответ – не децентрализацию и усиление локальных сообществ, а укрепление сильного государства, ценностную конфронтацию и утверждение традиции.

Проведенный анализ позволяет с уверенностью утверждать, что в его основе лежит последовательная логика формирования оригинальной постлиберальной идеологии, которая возникла и развивалась в качестве осмысленного проекта, предлагающего системную альтернативу как во внутреннем устройстве, так и в видении мирового порядка [8; 17].

Сравнительный анализ наглядно выявляет специфику российской модели в рамках глобального постлиберального тренда. Российская модель представляет собой сложный проект альтернативной модернизации, в котором сильное государство опирается на традиционные ценности и цивилизационную

идентичность, обеспечивает суверенное развитие и технологический прогресс в условиях формирующегося полицентричного мира, бросает вызов идеологической и политической гегемонии Запада.

Мы рассматриваем российский идеологический поворот в качестве сознательного проекта альтернативного модерна. Это открывает новые возможности для сравнительных политических исследований. Но признаем, что сознательный фокус на официальном дискурсе является ограничением исследования. Он позволил выявить логику, но оставляет за рамками вопросы реального восприятия и трансформации концепций на уровне общественного сознания.

Актуальными направлениями для дальнейшего исследования являются анализ политических течений через призму выявленной постлиберальной логики, проведение сравнительных исследований российской модели с другими центрами силы, изучение влияния российской постлиберальной идеологии [8; 17].

Российский опыт наглядно демонстрирует, что постлиберализм является не только интеллектуальным течением, но и конкретной моделью миропорядка [5; 17; 24]. Понимание специфики, основ и эволюции этой модели имеет ключевое значение для научного анализа современной российской политики, ее будущей траектории и ее роли в мировых процессах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Агасиева М.Н.** Сохранение традиционных ценностей как приоритетное направление государственной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 2.
2. **Афонин М.В., Кудрявцев С.А., Кривова А.Л.** Гражданская идентичность и ее укрепление в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 1.
3. **Грядун Ю.Ю.** Проблемы и перспективы интеграции традиционных ценностей в современное общество России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 7.
4. **Дробижева Л.М.** Российская гражданская идентичность в научно-политических дискуссиях и общественном мнении // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. № 4.
5. **Дугин А.Г.** Четвертая политическая теория. СПб.: Амфора, 2009. 347 с.
6. **Зиновьев А.А.** Запад: феномен западнизма. М.: Алгоритм, 2007. 480 с.
7. **Караганов С.А., Малютин П.В.** Российская идея-мечта XXI века // Россия в глобальной политике. 30.10.2025 // https://globalaffairs.ru/articles/mechta-karaganov-malyutin/#_ftn1 (дата обращения: 02.11.2025).
8. **Керимов А.А., Шебзухова Ф.А.** Парламентаризм в системе обеспечения национальной безопасности современной России // Социально-политические науки. 2022. С. 21-27. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-1-21-27.

9. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229) // <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811> (дата обращения: 15.10.2025).
10. Курбанов Н.И., Ушаков В.В., Цапок А.А. Формирование идеологии России после 2022 года: проблемы и перспективы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 3.
11. Медведев Н.П. Вопросы формирования российской идентичности в новейших исследованиях // Вопросы политологии. 2026. № 1.
12. Най Дж.С. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 352 с.
13. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. 416 с.
14. Проценко А.В., Бerviно Е.Г. Охранительная функция умеренного консерватизма в условиях геополитических трансформаций // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 10.
15. Путин В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 сентября 2013 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 15.10.2025).
16. Сардарян Г.Т. Конституция государства-цивилизации: на пути к православному народовластию // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2026. № 1.
17. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 8–24. EDN: ESCTPT.
18. Титов В.В. Проблема формирования общероссийской гражданской идентичности российской молодежи в условиях новых политических вызовов 2020-х гг. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 5.
19. Федоров Д.В. К вопросу об идентичности в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 5.
20. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2020. 256 с.
21. Фурман Т.Г. Противоречия технологического общества как политико-философский конструкт национальной идеи современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 2.
22. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008. 192 с.
23. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 568 с.
24. Pabst A. Postliberal Politics: The Coming Era of Renewal. Cambridge: Polity Press, 2021. 224 p.

YA.V. ALALIN

Ural Federal University named
after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia
ORCID: 0009-0002-5605-1758

A.A. KERIMOV

Ural Federal University named
after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia
SPIN-code: 8591-7561
Author ID: 639696
ORCID: 0000-0002-5807-9810

POSTLIBERAL FOUNDATIONS OF CONTEMPORARY RUSSIAN STATE IDEOLOGY: FROM SOVEREIGN DEMOCRACY TO CIVILIZATION-STATE

This article examines the genesis and evolution of contemporary Russian state ideology within the context of the global crisis of the liberal project. The author employs a postliberal theoretical lens to conduct a systematic analysis of the official political discourse of the Russian Federation from the 2000s to the 2020s. The analysis identifies three sequential stages of ideological construction: the stage of institutional sovereignty, embodied in the concept of «sovereign democracy»; the stage of axiological substantiation, associated with the «conservative turn» and the articulation of «traditional values»; and the stage of civilizational formalization, expressed in the doctrine of the «civilization-state.» The article argues that while the Russian model shares with Western postliberalism a critique of atomizing individualism and neoliberal globalization, it advances a unique conservative-statist synthesis wherein a strong state serves as the supreme guarantor of collective identity and the agent of an alternative world order. The scholarly novelty of this work lies in its transcendence of the simplistic «liberalism–authoritarianism» dichotomy and its provision of an adequate conceptual framework for analyzing contemporary ideological transformations.

Key words: postliberalism, state ideology, sovereign democracy, traditional values, civilization-state, conservative turn, Russian political thought, multipolarity.